

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В НАУКЕ О ПРАВЕ:
ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПОПЫТКИ ИХ РЕШЕНИЯ
(РЕЦЕНЗИЯ НА СТАТЬЮ С. А. КАЛИНИНА
«О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ ГЕНЕЗИСА И РАЗВИТИЯ
АНТРОПОЛОГО-ПРАВОВОГО ЗНАНИЯ»)**

Работа представляет собой рецензию на статью С. А. Калинина «О закономерностях генезиса и проблемах развития антрополого-правового знания», опубликованную в настоящем номере журнала «Правоведение». По мнению автора статьи, антропологический подход в науке о праве является одним из наиболее характерных проявлений так называемой постклассической (или постнеклассической) парадигмы научного познания, получившей широкое распространение в последние десятилетия XX в. и в начале XXI в. Постнеклассическая парадигма научного, в том числе юридического, познания характеризуется рядом характерных черт; важнейшей из них является признание активной роли субъекта, в качестве которого выступает человек во всей полноте его познавательных и практических способностей, в конструировании различных видов реальности, включая правовую реальность. Отмеченное обстоятельство делает антропологический подход мировоззренческой и теоретико-методологической основой наук о праве. При этом автор возражает против достаточно популярных в последнее время попыток наполнить антропологию религиозным и иным эпистемологически иррелевантным содержанием. В рецензии дается развернутое обоснование позиции автора, способное послужить дальнейшему углублению исследований человеческого измерения права, имеющих важное значение для постклассической науки о праве.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: постнеклассическое знание, сложные саморазвивающиеся системы, радикальный конструктивизм, право, правовая реальность, антропологический подход.

RAZUVAEV N. V. ANTHROPOLOGICAL APPROACH IN THE LEGAL SCIENCE: BASIC PROBLEMS AND ATTEMPTS TO SOLVE THEM (REVIEW OF ARTICLE BY S. A. KALININ «CONCERNING CONSISTENT PATTERNS OF GENESIS AND DEVELOPMENT OF THE ANTHROPOLOGICAL AND LEGAL KNOWLEDGE»)

The paper is a review of an article by S. A. Kalinin "Concerning consistent patterns of genesis and development of the anthropological and legal knowledge" published in this issue of the journal "Jurisprudence". According to the author of the article, the anthropological approach in the science of law is one of the most typical manifestations of the so-called "post-classical" (or "post-non-classical") paradigm of the scientific cognition widespread in the last decade of the 20th century and in the early 21st century. The post-non-classical paradigm of the scientific, including legal, cognition is characterized by a number of typical features, the most important of which is the recognition of an active role of an agent, that is a person acting to a fullest extent of his/her cognitive and practical abilities in designing different types of reality, including the legal reality. The above circumstance turns the anthropological approach into an ideological, as well as theoretical and methodological foundation of sciences of law. At the same time, the author objects to the

attempts to fill the anthropology with the religious and other epistemologically irrelevant content which have recently become popular. The review gives a detailed justification of the author's position which can serve to further deepening of the studies of the human dimension of the law which are relevant to the post-classical science of law.

KEYWORDS: post-non-classical knowledge, complex self-developing system, radical constructivism, law, legal reality, anthropological approach.

Проблема, исследуемая С. А. Калининым, является, бесспорно, актуальной и представляет значительный интерес в свете системных изменений, происходящих в социально-гуманитарном познании по мере формирования так называемой постклассической (или постнеклассической) парадигмы, переход к которой состоялся в естественных науках в первой половине XX столетия. Для постнеклассической картины мира, достаточно детально рассмотренной науковедами¹, как известно, характерны следующие основные черты.

1. Объектом научного исследования на самом высоком уровне обобщения выступает реальность как целостность, объединяющая элементы, имеющие различную природу. Отметим, что в контексте постнеклассической науки противопоставление идеального и материального в структуре реальности, игравшее столь важную роль для классического познания, признается принципиально иррелевантным и отступает на задний план. Причем сама реальность мыслится в качестве *сложной саморазвивающейся системы*, динамика которой имеет нелинейный характер, что исключает чисто механистический подход, признаваемый явно недостаточным для познания и полноценного описания данной системы.

2. Закономерности, которым подчиняется эволюция реальности (причем неважно какой — природной или социальной), не являются чисто «объективными» в том смысле, который вкладывала в понятие «объективность» классическая наука. Речь идет о том, что сами по себе закономерности привносятся во внешний мир субъектом познания, представляя собой результат его познавательной активности. В этом отношении известный афоризм И. Канта, полагавшего, что рассудок диктует реальности свои законы², получает всестороннее обоснование в контексте постнеклассической парадигмы.

¹ Полякова Я. С. Актуальные проблемы постнеклассической науки: смена научной парадигмы и типа научной рациональности // *Философия социальных коммуникаций*. 2010. № 1 (10). С. 10–23; Степин В. С. 1) Особенности научного познания и критерии типов научной рациональности // *Эпистемология и философия науки*. 2013. Т. 36, № 2. С. 78–91; 2) Исторические типы научной рациональности: проблемы демаркации и преемственности // *Философия, методология и история науки*. 2015. № 1. С. 6–27; Ахромеева Т. С., Малинецкий Г. Г., Посашков С. А. Концепции постнеклассики и развитие научного знания в XXI веке // *Философские науки*. 2014. № 3. С. 30–46; Карпин В. А., Гудкова С. А., Живогляд Р. Н., Козулица Г. С. Типы научной рациональности в аспекте трех парадигм // *Сложность. Разум. Постнеклассика*. 2015. № 1. С. 22–30; и др.

² Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 4. Ч. 1. М., 1965. С. 140.

3. В свете вышесказанного элиминируется субъектно-объектная дихотомия, противопоставляющая субъект познания его же объекту. Познающий субъект, представляющий собой агента разнообразных социальных практик, чей взгляд на мир интегрируется в состав указанных практик и во многом определяется ими и рассматривается не как внеаходимый «беспристрастный наблюдатель», но как фактор самой же реальности, обеспечивающий ее когерентность, стабильность и внутреннюю динамику. При этом познавательная деятельность оказывает активное влияние на сам познаваемый объект, трансформируя его во многих существенных чертах, тем самым выступая предпосылкой дальнейшей эволюции.

4. Основой постклассической науки выступает *конструктивистский подход* к реальности, находящий отражение в точных (математика), естественных (химия, биология, география) и социальных науках, включая право. С позиций указанного подхода как реальность, так и все ее феномены являются результатом конструирования на основе элементов субъективного и интерсубъективного опыта. Вместе с тем и сам субъект познания есть результат подобного конструирования, неотъемлемый от внешнего мира, частью которого он выступает. Соответственно, можно утверждать, что бытие, в том числе бытие человека, представляет собой сложную конструкцию, возникшую в процессе *самосборки* (аутопоэзиса) внешнего мира³.

Перечисленные черты постнеклассической парадигмы делают необходимым обращение к человеку в качестве онтологического фундамента реальности, т. е. предопределяют необходимость *антропологического подхода*, получающего все более широкое признание в науках о праве и государстве. Приходится, впрочем, констатировать, что далеко не все ученые разделяют идею смены классической, неклассической и постнеклассической парадигм. Так, по словам Д. А. Алексеевой, использование указанных терминов в качестве характеристик последовательно сменяющихся друг друга типов научной рациональности и этапов эволюции научного знания «приводит к искусственности классификации, произвольности подбора примеров, а также заставляет прибегать к терминам с размытым значением»⁴. Вместе с тем эти вполне резонные замечания не столько дисквалифицируют постнеклассическую парадигму, сколько указывают ее проблемные стороны и болевые точки, ставя задачу дальнейшей разработки философско-методологических оснований научного познания. Попытка решения указанной задачи содержится и в рецензируемой статье, что, при всей неоднозначности последней, производит в целом благоприятное впечатление.

³ Механизмы такой самосборки, осуществляемой на элементарном уровне, исследуются в естественных науках, в частности в работах по супрамолекулярной химии. См., напр.: *Зоркий П. М., Лубнина И. Е.* Супрамолекулярная химия: возникновение, развитие, перспективы // Вестник МГУ. Сер. 2. Химия. 1999. Т. 40, № 5. С. 300–307.

⁴ *Алексеева Д. А.* Классика, неклассика, постнеклассика: прокрустово ложе схемы // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. 30, № 4. С. 69.

Остановимся на некоторых ценных идеях, высказываемых автором. Следует согласиться с тем, что, поскольку право представляет собой результат творческого взаимодействия членов общества, оно имеет человеческое измерение и не может рассматриваться в отрыве от этого измерения в качестве некоей чистой объективности, действующей помимо сознания и свободной воли людей, их социально-дискурсивных практик. Соответственно и наука о праве является прежде всего наукой о человеке в одном из важнейших его измерений. Вот почему, согласно верному утверждению автора, антропологический подход должен играть роль мировоззренческого основания юридической науки.

Как сказано в работе, «юриспруденция отражает антропологическую проблематику различными способами, не ограничиваясь лишь антрополого-правовыми исследованиями (дисциплинами). Во-первых, человек и его бытие *всегда* включаются в предмет правоведения. Это порождает соответствующий категориальный аппарат (“субъект права”, “человек юридический”, “правовое существо” и т. д.), имманентно (но не всегда явно) предопределенный мировоззренческим статусом человека. Во-вторых, антропологический фактор может использоваться как стратегия познания реальности» (с. 110). Необходимость внутреннего согласования различных дискурсов о человеке (и соответственно различных его *юридически значимых* образов) требует внедрения в науку о праве холистского подхода, на чем особо настаивает С. А. Калинин.

В то же время, следуя радикальному методологическому плюрализму, характерному для постнеклассического знания, автор говорит о необходимости применения различных методов, дополняющих друг друга и с разных сторон уточняющих предмет исследования. Как утверждается в работе, «антропология права требует не единого универсального метода, но использования нескольких методов, причем важно не то, какой из них является лучшим, а то, какое место в процессе исследования занимает каждый из них. По сути, в рамках антрополого-правового знания сегодня важна не унификация результатов и сведение их к единственному дискурсу, а разнообразие хорошо обоснованных «комментариев социального объекта», т. е. его толкований в русле каждой дисциплины, исходя из проблематики и концептуального инструментария, соответствующего дисциплинарной традиции» (с. 111).

Представляет известный интерес попытка С. А. Калинина выделить основные этапы эволюции антрополого-правового знания, свидетельствующие о том, что человек всегда находился в центре внимания социальной (в частности, юридической) мысли. Автор выделяет три этапа такой эволюции: «1) развитие христианской теоцентрической антропологии, трансформировавшей политико-правовые институты Античности и породившей феномен *Pax Christiana* в различных вариантах его развития (романо-германский Запад и греко-славянский Восток); 2) кризис западной христианской антропологии в период Реформации; 3) формирование индивидуалистической светской и либеральной антропологии в период Нового Времени и Просвещения с одновременной маргинализацией незападных

и христианских традиций, предопределившей вектор трансформации теории и практики бытия государства и права» (с. 116).

Сформулированные наблюдения косвенно опровергают рассуждения некоторых историков⁵, по мысли которых характерной чертой традиционной культуры являлись неразвитость или даже полное отсутствие в ней личностного начала и растворенность индивида в коллективе. Однако подобное положение вещей делало бы невозможной саму постановку антропологической проблематики, необходимой предпосылкой которой выступает осознание самоценности человека как индивида.

Вместе с тем нет никаких оснований вслед за С. А. Калининым ставить знак равенства между антропологией и христианской богословской традицией, противопоставляя христианскую антропологию либеральной, получившей развитие в эпоху Нового времени. Данная схема игнорирует богатый опыт разработки антропологической проблематики в дохристианских и нехристианских культурах Древнего мира и Средних веков, позволяющий вести речь о древневосточной, античной, исламской, индийской и иных антропологических традициях, а потому ее следует считать предельно упрощенной и, по сути, ошибочной.

Повторим, что считаем неприемлемой в научном отношении основную, как нам показалось, идею статьи, наполняющую юридическую антропологию религиозным содержанием. Мы полагаем, что религиозный и рационально-научный дискурсы имеют самостоятельное значение и равное право на существование. Вместе с тем по своим задачам и методам они принципиально различны, даже несовместимы, а потому заведомо обречены на неудачу попытки эклектически сочетать их между собой в различных комбинациях. Кроме того, поскольку юриспруденция имеет научный статус, то и антропология права (и как раздел, и как мировоззренческая основа правового знания) также должна соответствовать строгим критериям научности. Эти простые истины очевидны для любого исследователя, вне зависимости от парадигмальной принадлежности высказываемых им идей. Поэтому было бы целесообразным, на наш взгляд, устранить из работы всякие отсылки к религиозному дискурсу, сделав ее тем самым более последовательной и целостной в научном плане.

С сожалением приходится констатировать, что автор пошел по иному пути, поскольку в статье религиозные («квазирелигиозные») основания оказываются доминирующими, и им придается едва ли не решающее значение. С первых же страниц исследования автор заявляет, что «человек может *одновременно* рассматриваться в качестве живого организма,

⁵ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность. М., 1993. С. 410 и сл.; Кон И. С. Открытие «Я». М., 1978. С. 145; Михайлов А. В. Из истории характера // Человек и культура / отв. ред. А. Я. Гуревич. М., 1990. С. 43–72; Баткин Л. М. Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. М., 2000. С. 7 и сл.; Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. М., 2000. С. 49; Vernant J.-P. Mythe et pensée chez les Grecs. Etudes de psychologie historique. Paris, 1971; Fuhrmann M. Persona, roemischer Rollenbegriff // Identität / hrsg. v. O. Marquard und K. Stierle. München, 1979. S. 83–106.

социального явления, мировоззренческого феномена. Это позволяет выделять взаимодополняемые *биологическую (природную), социальную (социокультурную) и мировоззренческую* стратегии в антропологических исследованиях, предопределяющие вектор и суть процессов познания объективной реальности. Мировоззренческая стратегия основывается на метафизическом «образе человека», предопределяющем требования к публичной власти и социальному регулированию. Данная стратегия, по сути, обобщает представления о человеке, относящиеся к *мировоззренческому (предельному), как правило, религиозному (квазирелигиозному), идеологическому и философскому* уровням» (с. 109).

К этой же более чем спорной мысли автор возвращается и впоследствии. Так, на с. 124 содержится утверждение, что «современной тенденцией антропологического знания следует признать именно обращение к мировоззренческим проблемам, к вызванной кризисом модели западной либеральной антропологии (кризис человека, необходимость «антропологического поворота» были артикулированы именно в ней, что коррелирует с кризисом всей цивилизации, построенной на моделях западной либеральной геокультуры)». Со своей стороны, полагаем, что ни о каком «кризисе модели либеральной антропологии» речи быть не может, а любые утверждения подобного рода требуют серьезных обоснований, которые в работе отсутствуют.

Таким образом, статья выглядит как попытка под вывеской «постнеклассики» внедрить в юридическую науку конструкции, явно с ней несовместимые. Вместе с тем полагаем, что рассматриваемая С. А. Калининым проблематика в силу своей значимости способна стать предметом широкого обсуждения и плодотворной дискуссии. Надеемся, что мнение, выраженное в данной рецензии, равно как и позиция автора статьи позволят внести известный вклад в углубленное познание человеческого измерения в праве.

Литература

- Алексеева Д. А.* Классика, неклассика, постнеклассика: прокрустово ложе схемы // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. 30, № 4. С. 69–78.
- Ахромеева Т. С., Малинецкий Г. Г., Посашков С. А.* Концепции постнеклассики и развитие научного знания в XXI веке // Философские науки. 2014. № 3. С. 30–46.
- Баткин Л. М.* Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. М.: РГГУ, 2000. 1005 с.
- Зоркий П. М., Лубнина И. Е.* Супрамолекулярная химия: возникновение, развитие, перспективы // Вестник МГУ. Сер. 2. Химия. 1999. Т. 40, № 5. С. 300–307.
- Кант И.* Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 4. Ч. 1. М.: Мысль, 1965. С. 67–210.
- Карпин В. А., Гудкова С. А., Живогляд Р. Н., Козупица Г. С.* Типы научной рациональности в аспекте трех парадигм // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2015. № 1. С. 22–30.
- Кон И. С.* Открытие «Я». М.: Политиздат, 1978. 367 с.

Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. М.: АСТ, Фолио, 2000. 624 с.

Михайлов А. В. Из истории характера // Человек и культура / отв. ред. А. Я. Гуревич. М.: Наука, 1990. 238 с.

Полякова Я. С. Актуальные проблемы постнеклассической науки: смена научной парадигмы и типа научной рациональности // Философия социальных коммуникаций. 2010. № 1 (10). С. 10–23.

Степин В. С. Исторические типы научной рациональности: проблемы демаркации и преемственности // Философия, методология и история науки. 2015. № 1. С. 6–27.

Степин В. С. Особенности научного познания и критерии типов научной рациональности // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 36, № 2. С. 78–91.

Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность. М.: Мысль, 1993. 606 с.

Fuhrmann M. Persona, roemischer Rollenbegriff // Identität / hrsg. v. O. Marquard und K. Stierle. München: Fink, 1979. 765 S.

Vernant J.-P. Mythe et pensée chez les Grecs. Etudes de psychologie historique. Paris: Maspero, 1971. 331 p.

References

Achromeeva T. S., Malinetski G. G., Posashkov S. A. Kontseptsii postneklassiki i razvitie nauchnogo znaniia v XXI veke [Concept of post-non-classics and the development of scientific knowledge in the twenty-first century]. *Filosofskie nauki [Philosophical Sciences]*, 2014, no. 3, pp. 30–46. (In Russian)

Alekseeva D. A. Klassika, neklassika, postneklassika: prokrustovo lozhe skhemy [Classics, non-classics, post-non-classics: Procrustean bed of schema]. *Epistemologiya i filosofiya nauki [Epistemology and philosophy of science]*, 2011, vol. 30, no. 4, pp. 69–78. (In Russian)

Batkin L. M. *Evropeiskii chelovek naedine s soboi. Ocherki o kul'turno-istoricheskikh osnovaniakh i predelakh lichnogo samosoznaniia [European man alone. Essays on the cultural and historical reasons and limits of personal identity]*. Moscow, RGGU Publ, 2000. 1005 p. (In Russian)

Con I. S. *Otkrytie "Ia" [Discovery of "Me"]*. Moscow, Politizdat Publ., 1978. 367 p. (In Russian)

Fuhrmann M. Persona, roemischer Rollenbegriff [Persona, Roman role term]. *Identität [Identity]*. Hrsg. v. O. Marquard und K. Stierle. München, Fink Publ., 1979. 765 p. (In German)

Kant I. [Prolegomena to any future metaphysics, which appear as science]. Kant I. *Sochineniia: v 6 t. [Works. In 6 vols]*. Vol. 4, part. 1. Moscow, Mind Publ., 1965, pp. 67–210. (In Russian)

Karpin V. A., Gudkov S. A., Zhivoglyad R. N., Kozupica G. S. Tipy nauchnoi ratsional'nosti v aspekte trekh paradigm [Types of scientific rationality in the aspect of three paradigms]. *Slozhnost'. Razum. Postneklassika [Complexity. Reason. Post-non-classics]*, 2015, no. 1, pp. 22–30. (In Russian)

Losev A. F. *Istoriia antichnoi estetiki. Ranniia klassika [History of ancient aesthetics: early classics]*. Moscow, AST, Folio Publ., 2000. 624 p. (In Russian)

Mikhaylov A. V. [To the history of the character]. *Chelovek i kul'tura [People and culture]*. Ed. by A. Ya. Gurevich. Moscow, Nauka Publ., 1990. 238 p. (In Russian)

Polyakova Ya. S. Aktual'nye problemy postneklassicheskoi nauki: smena nauchnoi paradigmy i tipa nauchnoi ratsional'nosti [Topical problems of post-non-classic science: changing the scientific paradigm and the type of scientific rationality]. *Filosofiiia sotsial'nykh kommunikatsii* [*Philosophy of social communications*], 2010, no. 1 (10), pp. 10–23. (In Russian)

Spengler O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii. T. 1. Obraz i deistvitel'nost'* [*Sunset of Europe. Essays on the morphology of world history. Vol. 1. Image and reality*]. Moscow, Mind Publ., 1993. 606 p. (In Russian)

Stepin V. S. Istoricheskie tipy nauchnoi ratsional'nosti: problemy demarkatsii i preemstvennosti [Historical types of scientific rationality: the problem of demarcation and continuity]. *Filosofiiia, metodologiiia i istoriia nauki* [*Philosophy, methodology and history of science*], 2015, no. 1, pp. 6–27. (In Russian)

Stepin V. S. Osobennosti nauchnogo poznaniia i kriterii tipov nauchnoi ratsional'nosti [Peculiarities of scientific knowledge and scientific rationality types criteria]. *Epistemologiiia i filosofiiia nauki* [*Epistemology and philosophy of science*], 2013, vol. 36, no. 2, pp. 78–91. (In Russian)

Vernant J.-P. *Mythe et pensée chez les Grecs. Etudes de psychologie historique* [*Myth and thought among the Greeks. Studies of historical psychology*]. Paris, Maspero Publ., 1971. 331 p. (In French)

Zorkiy P. M., Lubnina I. E. Supramolekuliarnaia khimiia: vozniknovenie, razvitie, perspektivy [Supramolecular chemistry: the origin, evolution and perspectives]. *Vestnik of Moscow State University. Ser. 2. Chemistry*, 1999, vol. 40, no. 5, pp. 300–307. (In Russian)

Разуваев Николай Викторович,
кандидат юридических наук, профессор
Северо-Западного института управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы

Razuvaev Nikolai Viktorovich,
candidate of legal sciences,
professor of the North-West Institute of
Management of the Russian Academy of
National Economy and Public Administration

E-mail: Nrasuvaev@yandex.ru
© Разуваев Н. В., 2017